

А. В. Ерёмин

**Трансформация византийской модели государственно-церковного взаимодействия
в культурно-историческом развитии России (XVIII–XX вв.)**

В статье анализируется трансформация византийской модели государственно-церковного взаимодействия в культурно-историческом развитии России. Определяются те факторы, которые оказывали на этот процесс значительное воздействие. Дается теоретико-методологическое обоснование положения Церкви в синодальный период государственно-церковных отношений.

Ключевые слова: Церковь, государство, социокультурная деятельность, «Византизм», взаимодействие, теория, методология.

A. V. Eriomin

**Transformation of the Byzantine Model of State-Church Interaction
in Russia's Cultural-Historical Development (XVIII–XX centuries)**

In the article transformation of the Byzantine model of state-church interaction in cultural-historical development of Russia is analyzed. Are defined the factors which had a determinative influence on this process. The theoretic-methodological substantiation is given to the Church's position during the Synod period of state-church relations.

Keywords: Church, a state, a social and cultural activity, "Byzantinism", interaction, a theory, methodology.

С момента принятия христианства князем Владимиром государственно-церковные отношения в истории России сохраняли в своем развитии теоретико-методологические и политические закономерности, имевшие определяющее значение на всем протяжении культурно-исторического процесса России. Одной из таких закономерностей была заимствованная из Византии модель государственно-церковных отношений. Эту модель В. С. Соловьев назвал «Византизмом». Суть ее состояла в том, что светская власть брала на себя функции хранителя и защитника православной веры в условиях возрастающих угроз со стороны иноверцев и быстро распространяющихся ересей. «Византизм» – модель, которая приобрела характер теоретической основы в теории «Москва – III Рим». Такая модель государственно-церковных отношений была трансформацией модели «Византийской симфонии», которая провозглашала необходимость равного положения светской и духовной власти и тесное сотрудничество в деле спасения людей при невмешательстве в дела друг друга. Однако Византийская империя столкнулась с проблемами, которые затем испытала и Россия – необходимость защиты православной традиции. К

XVIII в. с развитием абсолютизма «Византизм» как модель государственно-церковных отношений сформировался и стал основой социокультурной деятельности Церкви. Противоречила ли такая модель стремлениям Церкви к сохранению православной традиции? Синодальный период взаимоотношений государства и Церкви стал свидетельством того, что намерения самой Церкви в условиях «европеизации» страны совпадали с логикой развития византийской модели государственно-церковных отношений.

В конце XVII в. становилось все очевидней, что формы государственного устройства не позволяли в будущем существовать такому варианту государственной системы, где все пропитано православием и где рациональности нет места. Форма централизации, существовавшая в XVII в., уже не соответствовала времени, «византизм» требовал своего усиления. Византийские механизмы, запущенные столетиями ранее, по логике требовали именно такого развития событий. И при всех внешних опасных для Церкви переменах петровские нововведения были «компромиссным» вариантом. Петровские начинания несколько не противоречили логике исторических событий.

Образец, определяющий место Церкви в обществе, ее взаимоотношения со светской властью, Петр нашел в протестантских странах Европы. Византийская модель государственно-церковных отношений нашла выражение в протестантских формах. На Западе они стали возможны в силу откровенной слабости церковной структуры, и государство становилось гарантом существования Церкви. Но в России мотивы были совсем другие. Здесь церковная иерархия была сильна. Такое положение стало следствием усиления императорской власти и централизации. По своей сути подобная форма государственно-церковных отношений – «цезарепапизм» – была «крайним византизмом» и не противоречила логике его развития. Идеальное сосуществование на принципах симфонии Церкви и государства осталось далеко в небытии, с того момента, как в России были запущены механизмы «византизма», предполагающего наличие сильной власти, которая обеспечивала бы существование «чистого» православия и подобие Царства Божия на земле. «Ромейское царство», описанное в предании, продолжало существовать. Петр стремился к сильному государству, к великой державе с сильной армией, ему не было дела до церковных догматов. Поставив Церковь на «приниженную» ступень централизованной структуры, сделав ее частью государственного механизма, он не ограничил ее с точки зрения миссии и основ ее существования. Петр хотел видеть Россию сильным государством, и Церкви нужно было это, дабы создать могущественные формы своего существования.

А. В. Карташов заметил: «Восточная Церковь с самого начала связала свою историю с историей христианской империи в один целый исторический процесс, где мирское, светское, экономическое, социальное, правовое, административное, военное начало симфонически должно было сочетаться с небесным благодатным, аскетическим, созерцательным, литургическим и братским началом церкви в единой прекраснейшей симфонии» [1] Он отмечает, что Православная Церковь имела на протяжении своей истории стремление воплотить Царство Божие на земле в земной, человеческой истории, стремление не только указать людям пути личного спасения отдельных душ человеческих, но и устроить пути коллективного, «соборного» спасения человечества как целого. «В этом заключается “теократическая мечта” восточного христианства в подлинном смысле этого термина (данного ему

творцом его – Иосифом Флавием), а не в искажении папского клерикализма, как ее обычно мыслят на Западе. Откуда эта мечта, если хотите, “утопия” восточной Церкви о Граде Божием здесь, на земле? Это – наследие Церкви ветхозаветной. В этом – одна из типичных архаических черт восточного христианства. Оно более всех других исповеданий, консервативнее хранит в себе дух первохристианства. Ему чужд модерный, захвативший Европу времени ренессанса дуализм ценностей: светских и духовных, лаических и евангельских. “Лаицизм” – вот истинная ересь для православия. ... Для него нет двух категорий добра. Все благое, праведное, святое измеряется единым критерием: Христом... Все ценности христоцентричны» [2] Отсюда делается вывод о том, что наша церковная и вместе с тем политическая история есть та же непрерывная священная история. Ее смысл, ее сердцевина – все та же: провиденциальная, теократическая библейская история с чудесами, знамениями, харизматическими, пророческими явлениями. «И совершается все это, как и древле, на богом избранном пути избранного народа, нового Израиля, христианского народа с его христианским государством. Библейская теократия трансформируется, эволюционирует, модернизируется, но не прекращается» [3]. Культурно-исторический процесс России развивался именно в таком направлении, а потому у нас не могло быть ни эпохи Возрождения, ни полноправной эпохи Просвещения. Исследователи говорят о «предвозрождении», но оно связывается в первую очередь с еретиками и вольнодумцами, которые преследовались [4]. Рационализм русских еретиков был религиозным рационализмом, и он так и не перерос в эпоху Возрождения.

По мнению А. В. Карташова, Петр I вместе с идеологией естественного права (*jus naturale*) взял у Запада дуалистическую философию суверенности государства и светской, лаической, утилитарной культуры на общее благо (*bonum commune*), тем самым «расколол православную душу русского народа, лишил ее единства, православной священной-исторической перспективы. Православная Россия вовлечена была в западную ересь дуализма, в признание особой, отличной от Церкви, светской истории культуры. История расхристианилась. Явилась безрелигиозная и антирелигиозная русская интеллигенция, которая и довела Россию наших дней до тирании безбожия» [5]. Безусловно, в этих словах есть немалая доля правды. Действительно, Петр заложил «ми-

ну замедленного действия» в лице светской просвещенной прослойки людей, среди которых возникли идеи революции, реформации Церкви, демократии, свержения монархии. Но, несмотря на то, что после петровского правления бурно начала увеличиваться светская область российского общества, подавляющая часть населения (преимущественно крестьяне) продолжала жить в системе идейных ценностей православия. Да и сами монархи считали себя православными государями, настоящими «отцами» великого православного царства. Ведь идея «Москва – третий Рим» прекрасно помогала им усиливать основы абсолютизма. XIX в. показал уникальную действительность России. Когда западные государства развивались в условиях мощного капитализма, когда рациональность достигла там высочайших пределов, русское государство жило по принципам «православие, самодержавие, народность». К концу XIX в. при Александре III «внешние формы» усилились до огромного предела, Россия напоминала прообраз «Царства Божия на земле». Потребности сильного в военном отношении государства вынудили инициировать «сверху» капиталистическое развитие. Но капитализм с трудом приживался на российской почве в силу малой выраженности личностного, индивидуального начала.

В конце XIX в. усиливается западное религиозное сектантство [6], на что правительство ответило репрессиями. Особо секты подверглись гонениям со времени назначения обер-прокурором Священного синода К. П. Победоносцева в 1880 г. В резолюции совещания православных деятелей (1891 г.), состоявшегося под его предводительством, говорилось: «Быстрый рост сектантства является серьезной опасностью для государства. Всем сектантам должно быть воспрещено покидать свое место жительства. Все преступления против Православной Церкви должны разбираться не в светских, а в духовных судах. Паспорта сектантов должны быть помечены особым образом, чтобы их нигде не принимали ни на работу, ни на жительство, пока жизнь в России не станет для них невыносимой. Дети их должны силою отбираться и воспитываться в православной вере» [7]. Такое заявление нашло свое отражение и в уголовном кодексе: «Ст. 187. За выход из Церкви и присоединение к другому религиозному обществу – лишение всех гражданских личных прав. Ссылка. В более легких случаях – полтора года исправительных заведений... Ст. 196. За распространение еретических или

сектантских учений и пособничество в этом – ссылка в Сибирь, Закавказье или другие отдаленные места» [8]. К. П. Победоносцев являлся ярким сторонником усиления влияния государственной Церкви и много сделал для укрепления ее положения в государстве. «Самая древняя и самая известная система отношений между Церковью и государством есть система установленной или государственной Церкви. Государство признает одно вероисповедание из числа всех истинным вероисповеданием и одну Церковь исключительно поддерживает и покровительствует, к предосуждению всех остальных Церквей и вероисповеданий» [9]. Именно по такой формуле строились взаимоотношения Церкви и государства вплоть до 1917 г.

На рубеже XIX–XX вв. из среды интеллигенции начали исходить возгласы об обновлении Церкви. Внести в Церковь дух свободы и личности – таковы были требования обновленцев. Звучали призывы к экуменизму – сотрудничеству Церквей, к полной реформе литургий, социального видения и т. п. Идеологом обновленчества был А. Введенский.

Парадокс, но октябрьские события остановили опасный для Церкви процесс. Поместный Собор 1917–1918 гг. принял решение о восстановлении патриаршества. Постепенно все отошедшие от патриарха Тихона группы потеряли свое влияние. Церковь вновь стала единым монолитом, ее догматы были защищены. Да и выходило ли влияние обновленцев дальше церковных рамок? Смело можно сказать – нет. Православная традиция жила в народе.

С. Носов в работе «Обновленчество 20-х и 30-х годов: неразрывная преемственность» [10] приводит массу фактов, доказывающих это. Так, например, в 1923 г. обновленческий священник из Казанской епархии жаловался: «Ребра пересчитаем!» Так говорят мужики-богомольцы своим пастырям, если те проявят хоть малейшую долю сочувствия обновлению православия» [11]. На своих публичных выступлениях А. Введенский получал немало записок следующего содержания: «Будь проклят, Иуда-предатель, за твои выступления против православной веры и ее пастырей. Иди в ад крошечный к своим наставителям-дьяволам». «Хорошо поешь, собака!» – говорилось в другой записке. «Товарищи Введенский и Калиновский! Иуда предал Христа за 30 сребренников. Ответьте же нам, за сколько продан вами патриарх Тихон?» – говорилось в третьей [12].

Но догматы веры были сохранены, а традиция православия жила в народе. И все это было облачено в коммунистические, атеистические по своей сути формы. Ценность коллективизма, взаимовыручки, взаимозависимости, стремления к цели – воплощение идеального строя, которым был коммунизм, все это не только транслировалось сверху, но и находило родство в так знакомых народу ценностях православной религии с ее идеей непротивления злу насилием. Цель – царство Божие на земле – называлась другими словами: «светлое будущее», «коммунизм». Существовала и традиционная система государственного, политического, экономического и социального бытия, которая работала на внешнюю мощь – оборону, в ущерб внутренней жизни. По сути, она была схожа с византийской формой. Атеистическое государство, где рушились Церкви, преследовались священники, оставалось системой, в основе которой сохранялись глубинные закономерности, формировавшиеся в течение всей истории.

Сам механизм взаимодействия Церкви и власти напоминал византийский. В Церкви работали спецслужбы, контролировался каждый шаг священнослужителей, представители РПЦ выполняли важные функции на внешнеполитической арене, демонстрируя демократичный характер советской власти. Как и в период российской империи, РПЦ была элементом механизма государственной структуры. Для власти были менее страшны идеалы соборности и непротивления православия, чем идеалы свободной личности, которые были в западном христианстве и в «обновленчестве». Однако советское государство стало атеистическим. Много урона оно несло Церкви. По сути, 70 лет воинствующего безбожия отвернули от веры много людей. Последствия этого разрушительного периода для Церкви российское общество будет переживать еще несколько поколений.

История государственно-церковных отношений в XX в. «зашла в тупик», из которого предстояло выходить новой российской государственности. Большая роль в этом процессе принадлежала и самой Церкви, так как ей требовалось

кардинальное переосмысление места и роли в обществе, реанимация и воплощение в жизнь богословских учений и преданий, решений Вселенских Соборов. Со второй половины 80-х гг. для государственно-церковных отношений начался новый этап, который подготовил почву для становления новой вероисповедной политики государственной власти и процесса формирования социальной концепции РПЦ в современном мире.

Примечания

1. Карташов, А. В. Православие в его отношении к историческому процессу [Электронный ресурс] / А. В. Карташов. – Режим доступа : www.civitasdei.boom.ru
2. Там же.
3. Там же.
4. См. подр.: Клибанов, А. И. Духовная культура средневековой Руси [Текст] / А. И. Клибанов. – М. , 1996; Реформационные движения в России в XIV – первой пол. XVI в. – М. , 1996; Федотов, Г. П. Русское религиозное сознание [Электронный ресурс] / Г. П. Федотов. – Режим доступа: www.civitasdei.boom.ru; Святые древней Руси [Текст]. – М. , 1990; Федотов, Г. П. Трагедия древнерусской святости [Текст] / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России. – Т. 1. – СПб. , 1991.
5. Карташов, А. В. Православие в его отношении к историческому процессу [Электронный ресурс] / А. В. Карташов. – Режим доступа: www.civitasdei.boom.ru
6. См.: Буткевич, Т. И. Обзор русских сект и толков [Текст] / Т. И. Буткевич. – Харьков, 1910. – С. 5.
7. Цит. по: На пути к свободе совести [Текст]. – М. , 1989. – С. 344.
8. Там же.
9. Победоносцев, К. П. Церковь и государство [Электронный ресурс] / К. П. Победоносцев // Московский сборник. – Издание К. П. Победоносцева, пятое, дополненное. – М. : Синодальная типография, 1901. – Режим доступа: www.state-religion.ru.
10. Носов, С. Обновленчество 20-х и 90-х гг. Нерывная преемственность: [О современных идеях реформирования РПЦ] [Текст] / С. Носов // Москва. – 1995. – № 8. – С. 191–204.
11. Там же. С. 204.
12. Там же.